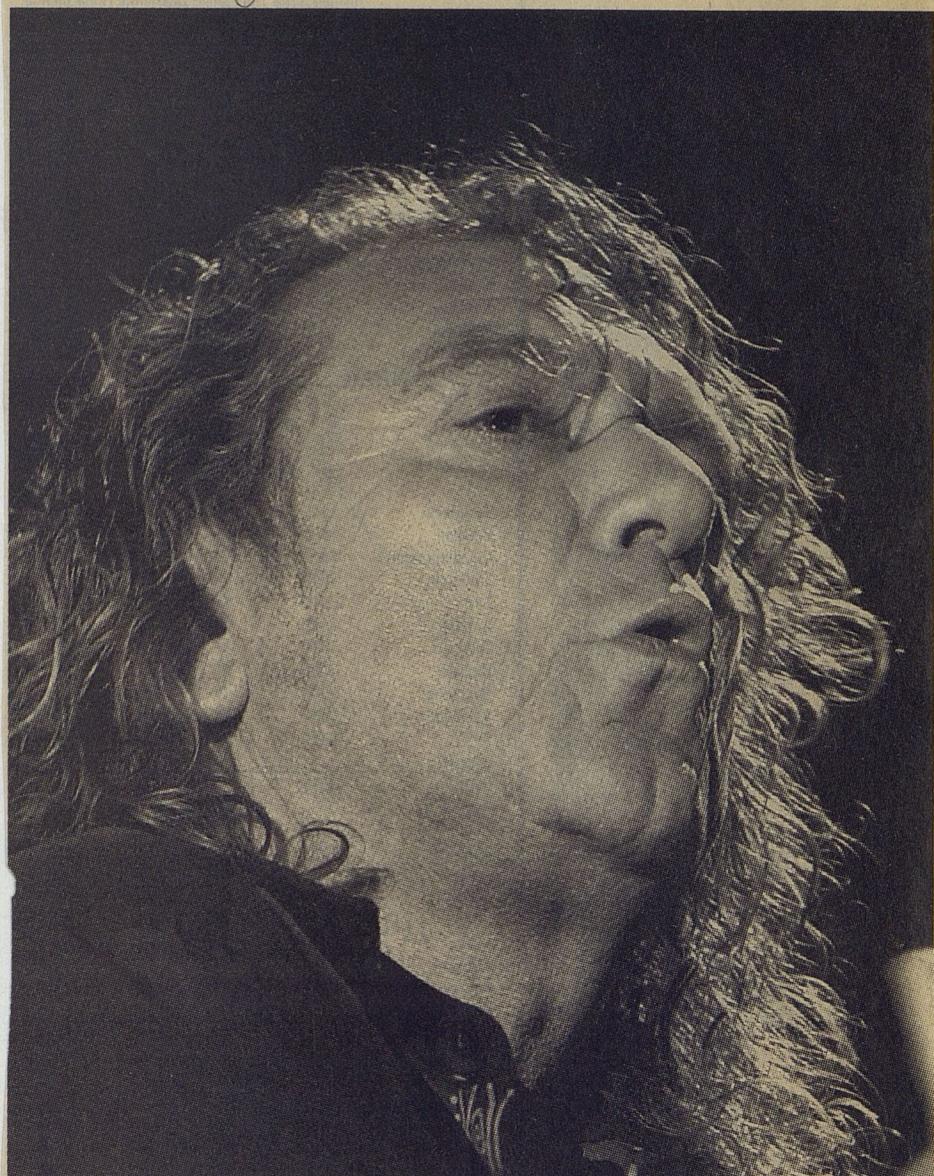

Плант Роберт

18.11.02

аэростар Газета - 2002 - 18 Ноябрь - С. 15

Роберт Плант спел в «Олимпийском» своим сильным, насыщенным, развратным, одухотворенным и циничным голосом Фото: ИТАР-ТАСС

“уйду я от тебя, малышка, настанет лето — и уйду”

АНДРЕЙ ЕВДОКИМОВ

На волне слухов о возрождении Led Zeppelin и с их опровержениями в Санкт-Петербурге и Москве прошли концерты бывшего голоса LZ Роберта Планта.

Пресс-конференцию Планта устроили в футуристически-джеймс-бондовском здании британского посольства в Москве. Последний ответ на последний вопрос — и прожженные акулы постсоветской рок-журналистики без оглядки на реноме бросаются на гостя. Желанный трофей — автограф-закорючка. Из клубка тел вываливается человек с охалкой родных цепелиновских пластов (LP). Счастье на его лице не отличить от выражения лица другого, скажем так, корреспондента, чей экземпляр из «Архива популярной музыки» № 6 («Мелодия») тоже освящен небрежным махом... Взрослые люди, профи вроде бы...

На следующий день в «танцевальном» партере Олимпийского — седеющие папки, с животиками и без, ходят в смятении надежды и опаски. И дамы, бывшие интересными четверть века назад. Поближе к сцене занимает места намеренная расколбаситься молодежь. А уж после концерта, в буфете, — веселье: к нам приехал, к нам приехал Роберт Плантик дорогой. И так сбавал на бис Rock'N'Roll (Lonely Town).

Led Zeppelin — в этом звуке много для сердца русского слилось. Какая летящая

мощь и тяжесть! И какой голос! Высокий тембр — но сильный, насыщенный, поэтический, развратный, одухотворенный и циничный.

Открыл концерт старинный рок-стандарт Neu Joe — современная психоделика с арабским заунывным надрывом. Музыкант с восточной мандулой в руках кружился на одной ноге, задрал колено... Другой участник группы играл то на контрабасе, чего на этом концерте можно было ожидать менее, чем арфы; то на бас-гитаре с прозрачным корпусом. Соло-гитарист держался сбоку и в тени. Бедняга устал получать от публики: нет, ты не Джими. Барабанщику прятаться было труднее. Но и он держался достаточно мужественно. Увы, кто бы ни взялся аккомпанировать Роберту Планта, невольно их будут мерить по недостижимому. А кто хотел всего лишь Планта, получил больше, чем мечтал. Его спрашивали, не пропала ли легендарная сила его голоса. Он отвечал: не пропала, а перетекла в другой его орган. Но и того, что осталось голосу, хватило на великолепные два часа.

«От чего в своей жизни вы бы избавились легко и с удовольствием?» — «От своего прошлого!» И вроде бы не лукавил. Ему хочется жить свежо, а не купаться в славном прошлом. Похвально и завидно, а концерт возвращает в реальность. Связь времен нерасторжима. На пресс-конференции было приятно видеть Планта-жизнелюба, остролова и любопытного человека. А репертуар обращен к прошлому. Послышались гитарные переборы — и по залу шепотом пронеслось, что наконец-то она, ура, всем тихо, не дышать: лестница в не-

бо! Но обещал не петь — и не поет. То была «Уйду я от тебя, малышка, настанет лето — и уйду». Не только цепелиновое наследие довлеет. Плант исполняет половину песен из нового альбома, но большая часть их — родом из шестидесятых. Значимые песни Плант предварял мини-лекциями. Например, я маленьким, мол, не любил поп-музыку, и для таких, как я, пел Боб Дилан. Сентенций за концерт набралось бы на брошюрку «В помощь рок-пропагандисту». А ведь на пресс-конференции он призывал не быть слишком серьезными: это всего лишь рок-н-ролл, entertainment.

У Планта трепетное отношение к блюзу. Для него это музыка «...из иного мира». И сегодня, на большой сцене, в лучах прожекторов и лазеров отполированный блюз — это не блюз». Сам он берется исполнять блюзы, лишь перекурочивая их до неузнаваемости. Со сцены он снова разъясняет: идем в глубинку дельты Миссисипи, там почти век тому назад жил парень по имени Сон Хауз. И начинается Fixing to Die — правда, автор ее бы не узнал. Формально можно насчитать полдюжины блюзов в концерте. Ни один из них не напоминал стандартный блюз. Вероятно, так же относится Плант и к музыке арабских традиций: любит, а не пытается воспроизвести. Умно одалживает приемы и фрагменты.

А когда он включает голос на форсаж и разносит под гигантский купол тоскующую ноту торжества — время отступает. Психоделик-рок шестидесятых и транс-хип-конца столетия кажутся такими близкими стилями. Так, наверное, их будут судить муз-историки конца нынешнего столетия.